

ЛИСИЦЫН С.Н. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПЕРИОДИЗАЦИИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И РАННЕГО МЕЗОЛИТА В ВЕРХНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 59–110.

Вопрос соотношения культур с черешковыми наконечниками (Tautе, 1968), распространенных в позднем плейстоцене—раннем голоцене на территории европейских ландшафтных низменностей в целом (Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Tanged points cultures..., 1999; Mesolithic on the Move, 2003; Mesolithic in Europe, 2008; Lateglacial and Postglacial Pioneers..., 2014) и Волго-Окского бассейна в частности (Мезолит СССР, 1989; Сорокин, 2008, 2016; Сорокин и др., 2009), является, несмотря на единичность полноценно исследованных мультислойчатых геоархеологических объектов (ГАО), одним из ключевых. Неоднократно высказывался в этой связи и Лисицын (2006; 2012; 2014). Поводом для этой рецензии стало появление в одном из ведущих российских журналов (Лисицын, 2017) его программной, судя по тематическому охвату и объему, работы, которая претендует ни много ни мало на создание “нового учения”. Если кратко, ее суть состоит в том, чтобы обосновать гипотезу о предшествовании материалов с симметричными черешковыми наконечниками комплексам с асимметричными наконечниками. Бессмысленность этой затеи видна уже по тому факту, что из всего многообразия культур региона (бромме-лингби, аренсбург, подольская, валдайская, рессетинская, заднепилевская, култинская и пургасовская) Лисицыным выбраны всего две — бутовская¹ и иеневская, источниковедческая несостоятельность которых очевидна любому критически настроенному исследователю (Сорокин, 2001; 2008; Сорокин и др., 2009). А из более чем 2500 имеющихся здесь памятников им привлекаются лишь 3 пункта — Золоторучье 1, Становое 4 и Вашана (Лисицын, 2017. С. 60) — в 2 из которых черешковых наконечников вообще нет. Поскольку добротность археологических источников доказывается их критикой (Формозов, 1977), в целях экономии

места и времени целесообразно непосредственно обратиться к этой процедуре.

Вашана — единственный из трех ГАО, в шурфовке которого в 2009 г. С.Н. Лисицын участвовал. В 2001/02 гг. зондаж велся под руководством Н.К. Анисюткина. При сравнении первичных данных обращает на себя внимание разночтение в цифрах. Это касается как размера заложной площади (10 или 11 м²), так и числа квадратов, докопанных до материка (6 или 7) (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 134; Лисицын, 2011. С. 106–108; 2017. С. 81). К сожалению, в большинстве случаев, как оказалось, суть дела не в банальных неточностях, а в осознанном искажении данных. Ограничусь всего двумя примерами. Сначала обращусь к материалам стоянки Подол III/2, добытым Г.В. Сеницыной, на которые Лисицын регулярно ссылается. В ряде публикаций исследовательница пишет: “На стоянке Подол III/2 в заполнении конуса выноса селевого потока дриасового времени, перекрытого обломочным материалом, были найдены предметы, характерные для среднего этапа подольской культуры, технокомплекса бромме, и среди них из другого сырья пластинка розового кремня, полученная в технике отжима с одноплощадочного нуклеуса...”. Не буду акцентироваться на том, что заготовка, сколотая с совершенно не характерного для Свидера монополюсного ядрища, интерпретируется ею как “... форма пластинки, характерная для свидерской культуры” (Сеницына, 1996. С. 23; 2013. С. 161; Сеницына, Кильдюшевский, 1996. С. 139; Сеницына и др., 1997. С. 100), но подчеркну: ни в одной из упомянутых статей с полюбившимся Г.В. Сеницыной предметом никаких метаморфоз не происходит. В интерпретации Лисицына тот же сюжет выглядит следующим образом: “Завершают культурную локальную последовательность финального палеолита находки из 2 раскопа стоянки Подол III с палинологическим определением финалом Dr 3, полученным по заполнению ямы с кремневым инвентарем смешанного облика — типа бромме и свидерским наконечником” (Лисицын, 2012. С. 237; 2017. С. 63). Открытие потрясающее — это уже не рядовая пластинка из розового кремня, а наконечник свидерского типа да еще из отложений финала молодого дриаса (Dr 3). Впечатляет и та безапелляционность, с которой Лисицын определяет возраст конуса выноса, особенно если знать, что

¹ Термин введен в 1976 г. Л.В. Кольцовым. Как выяснилось позднее (Сорокин, 2001; 2008; Сорокин и др., 2009), материалы всех выделенных им культур — елиноборской, бутовской и иеневской (Кольцов, 1989) — были фальсифицированы. Тем не менее предложенные им названия оказались весьма живучими, и ряд исследователей, недостаточно знакомых с истинным положением дел или, напротив, преследующих известные цели, по-прежнему продолжают пользоваться этими терминами. В их числе оказался и С.Н. Лисицын.

время его формирования было отнесено А.С. Алешинской и Е.А. Спиридоновой к позднему дриасу (Dr 2) (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 132, 133).

Теперь другой пример. Лисицын, пишет: “Исток 1 — единственный памятник, где асимметрия стратиграфически предшествует симметрии” (Лисицын, 2017. С. 91). Это не соответствует действительности: в Шильцевой Заводи 5 картина та же. Более того, в Старо-Константиновской 4, Тихоново 1 и в Иенево 2 наконечники с боковой выемкой и геометрические микролиты также залегают ниже симметричных наконечников с вентральной ретушью, правда, пока все они не подверглись Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1989) процедуре “улучшения качеств источников”. Впрочем, даже по причине того, что Лисицын пришел на уже возделанную “почву” и усвоил готовую “методику”, его неосведомленность непростительна, и логично поинтересоваться, зачем вообще братья за “периодизацию мезолита Верхневолжья”, если не знать основ? Разве после этого может удивить, что в противовес Истоку 1 синонимом “добротности” и “надежности” ему служит Становое 4 (Лисицын, 2017). Чего оно стоит, будет показано ниже, сейчас же вынужден заметить: обилие аналогичных “открытий” Лисицына — свидетельство стиля, далекого от научной методологии.

Вернемся к Вашане и обратимся к стратиграфии стоянки. Колонка напластований в шурфе Н.К. Анисюткина включала 12 литологических прослоев, 6 из которых содержали археологические материалы (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 134, 135, 146). В шурфе 2009 г. аналогичной глубины Лисицыным было выделено 16 прослоев, при этом артефакты имелись лишь в 4 (Лисицын, 2011. С. 106, 107). Любому, кроме Лисицына, очевидно: разница несомненная. Наложение разрезов подтверждает их несоответствие друг другу. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что стоянки финального палеолита и мезолита обычно не имеют выраженного культурного слоя, а находки залегают дисперсно, причем ранние изделия в силу ряда причин могут располагаться выше, чем более поздние (Синицына, 1996; 2013; Ostrauskas, 1999; Galinski, 2015). Не все, разумеется, осведомлены о геоархеологических закономерностях, но незнание Лисицыным основ ошеломляет. Как иначе объяснить тот факт, что он объединяет изделия двух не стыкующихся друг с другом шурфов Вашаны, имеющих разную литологию, и даты из одного (слой 9 шурфа 2001, 2002 гг.) приписывает прослоям другого (слои 3 и 4 шурфа 2009 г.). Ответ прост: этого требует создание “новой периодизации”.

Всего для памятника получено пять радиоуглеродных дат. Возраст первого образца из слоя 9 шурфа 2001/02 гг. Н.К. Анисюткина составил 9600 ± 450 (LE-6285), второго — 9680 ± 160 (LE-6644) лет. По мнению Лисицына, “обе даты относят памятник

к пребореалу, что вступает в противоречие с геологическими условиями залегания культурных остатков в позднеплейстоценовом суглинке” (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 138). Никто из геологов памятник не осматривал и такого заключения не делал, поэтому утверждение о возрасте суглинка голословно.

Находки слоя 9 залежали “в гумусированном, однородном, комковатом суглинке темно-серого цвета (ископаемая почва)... на глубине 3,4–3,5 м...” (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 135). Добытая из него коллекция составила 323 каменных предмета, включая 15 орудий (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 136–138), охотничьего вооружения и других культуроопределяющих форм в ней нет, что исключает ее достоверную атрибуцию.

Из шурфа 2009 г. были датированы три образца. Возраст первого поздненеолитический — 5050 ± 100 (SPb-94) (Лисицын, 2011. С. 106–108). Образец происходит из погребенной почвы, залегающей на глубине 1,5–1,8 м от поверхности и разделяющей “слои”² 1 и 2. Это, а также находка в “слое” 1 на глубине в 1,05–1,3 м (Лисицын, 2011. С. 106) черепка раннего железного века, ошибочно отнесенного к “неолиту — бронзе” (Лисицын, 2011. С. 108), со всей определенностью указывают на чрезвычайно высокую скорость осадконакопления, присущую Вашане, что подчеркивает необоснованность утверждения Лисицына о замедленности этого процесса (Лисицын, 2011. С. 107, 108).

Наиболее раннюю дату для шурфа 2009 г. дал слой 4, “зафиксированный на глубине 3,7–3,8 м от поверхности”³. Он оказался отделен от вышележащего 3-го культурного слоя 40-см толщей стерильного суглинка. В нем были найдены древесные угольки, кусочки охры, осколки костей парнокопытных животных... Каменные артефакты (43 экз.) представлены отщепами, пластинками и микропластинками..., обнаружен один отщеп со следами ретуши утилизации. *Орудия представлены одним резцом на углу сломанной пластинки*⁴; нуклеусов нет. Среди микропластин попадают очень тонкие экземпляры, *вероятно, снятые с помощью отжима*. Новая датировка⁵ по древесному углю из 4-го культурного слоя — 8200 ± 100 BP (SPb-92) — оказалась существенно моложе, чем прежняя дата” (Лисицын, 2017. С. 81). Из этого пассажа логичны следующие выводы:

1. Характеристика слоя 4 отсутствует; из текстов непонятно, был ли он приурочен к погребенной почве (ср.: Лисицын, 2011. С. 106 и Лисицын, 2017. С. 81);
2. Неясность технологии первичного расщепления;

² Судя по геоморфологии, это не культурные слои, а типичные культуросодержащие горизонты.

³ То есть всего на 1 м глубже, чем слой 2, что немаловажно.

⁴ Здесь и далее курсив мой. — А.С.

⁵ Слой 4 (впрочем, как и слой 3) в шурфе Н.К. Анисюткина не было, поэтому его датировка не может быть “новой”.

3. Культурная безликость и малочисленность артефактов.

Отмечу также, что звучащее откровением заявление, что единственный “угловой резец в Вашане имеет ближайшие аналогии в бутовской культуре” (Лисицын, 2017. С. 81), не просто наивно, но и служит свидетельством его профессиональной некомпетентности.

Не менее “богат” и перекрывающий культурный слой 3, находки в котором “были представлены кремневыми отщепами и тремя грубопризматическими одноплощадочными нуклеусами полукругового снятия с негативами скалывания широких отщепов (всего 89 экз.)... применялась техника жесткого отбойника...” (Лисицын, 2017. С. 81). Он локализован “на глубине 3,1–3,3 м от современной поверхности и был связан с прослойкой слабогумусированного суглинка – погребенной почвой. По древесному углю была получена ^{14}C -дата 7120 ± 100 (SPb-93), которая относится к раннему неолиту. Однако залегание в суглинках на глубине более 3 м и технико-типологические особенности артефактов, по мнению Лисицына, противоречат столь поздней датировке” (Лисицын, 2017. С. 81). Эта информация позволяет утверждать:

1. Слой 3 залегает в погребенной почве и на законных основаниях может рассматриваться как культурный; фаунистические остатки в нем отсутствуют;

2. Культурно-значимых форм каменного инвентаря нет, но характер первичного расщепления соответствует неолитической технологии, что подтверждается и полученной датировкой;

3. Технологические признаки и дата хорошо коррелируются между собой; выводы Лисицына об омоложенности образца и его несоответствии глубине залегания слоя 3 ошибочны.

Состав изделий и технология их производства говорят, что перед нами, по-видимому, “точок” и эпизод, связанный с начальной стадией утилизации нуклеусов, при которой отжим бессмыслен, зато ударное расщепление жестким отбойником не только разумно, но и отменно соответствует современным представлениям о раннем неолите Волго-Окского бассейна. Это означает, что материал слоя 3 для решения проблемы соотношения мезолитических культур не годится.

Таким образом, учитывая геоморфологию и высокую скорость седиментационных процессов в регионе, а речь идет об отрогах Средне-Русской возвышенности, прорезаемых многочисленными притоками р. Оки в границах Тульско-Алексинского каньона, глубина залегания слоя 3 и заключенных в нем изделий никак не противоречат выводу об их неолитическом возрасте. О том же говорит и происхождение из “слоя” 1, приуроченного к глубине 1,05–1,3 м (Лисицын, 2011. С. 106), черепка раннего железного века.

Подтверждают такой вывод дислокация (1,5–1,8 м) и возраст (5050 ± 100 SPb-94) верхней погребенной почвы в шурфе 2009 г. Вашаны, а также практическое отсутствие покровных отложений на краевых участках плато, активно размывающихся внешними водами и проецирующихся на низкие орографические уровни.

Неубедительна и попытка удревления слоя 4: глубина его залегания соответствует скорости и характеру осадконакопления, происходящие из него артефакты **поздне**мезолитические⁶, что и подтверждается полученной датой 8200 ± 100 (SPb-92), которую Лисицын безосновательно считает омоложенной (Лисицын, 2017. С. 81). Явно несостоятельна и первоначальная попытка отнесения нижнего слоя Вашаны шурфа 2001–2002 гг. к рубежу плейстоцена–голоцена (Анисюткин, Лисицын, 2007). Лишено основания и утверждение о правильности для слоев 3 и 4 дат из шурфа Н.К. Анисюткина⁷, по которым следует соотносить “датировку нижнего 4-го культурного слоя Вашаны с первой половиной пребореала”, а выше лежащий “комплекс” (слой 3) “... должен относиться к середине–второй половине пребореала – началу бореала” (Лисицын, 2017. С. 83, 84). Подобные слова не что иное, как неприкрытая попытка загнать имеющиеся данные в прокрустово ложе “новой периодизации”.

Хорошо известен случай, когда по контексту и технологическим признакам при отсутствии орудий и охотничьего вооружения была объективно определена культурная принадлежность материалов Троллсгаве (Fisher, 1985; 1990). Но мезолит Волго-Окского бассейна поликультурен, и в каждой из мезолитических культур – заднепильевской, култинской и пургасовской – имелись отжимная технология и микропластинчатая индустрия (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Следовательно, Вашана при бедности и малочисленности артефактов, полном отсутствии черешковых наконечников стрел, лакуарности технологических признаков и контекста никак не может быть, вопреки утверждению Лисицына, надежно атрибутирована. И использовать ее для решения культурологических проблем и вопросов периодизации неразумно.

Знакомство с памятником и коллекцией Вашаны в поле, а также изучение публикаций дают основание утверждать, что памятник в геоархеологическом отношении представляет несомненный интерес, но степень его изученности ничтожна, а источниковедческий потенциал явно завышен. Материалы Вашаны непригодны для решения вопроса о соотношении культур с черешковыми наконечниками за их отсутствием. Попытка Лисицына, не имеющего опыта работы с эта-

⁶ Выделено мной. – А.С.

⁷ Таких культурных слоев в шурфе Н.К. Анисюткина не было.

лонными Волго-Окскими коллекциями, убедить в обратном — это не более, чем “улучшение качества источника”, придание ему “свойств и качеств, которыми он не обладает” (Формозов, 1977. С. 12).

Теперь обратимся ко второму “источнику и составной части” нового “учения” — стоянке **Становое 4**, являющейся для Лисицына, как и Вашана, эталонной (Лисицын, 2017. С. 60). Памятник раскапывался в 1993–2002 гг. по условным горизонтам, вскрыто около 600 м² (Жилин, 1998; 2002; 2005; Аверин, Жилин, 2001; Аверин, 2002). Уже в то время подобная методика в мезолитоведении была анахронизмом, и непосредственным ее результатом стала источниковедческая ущербность добытого. Зато Лисицын убежден: “с точки зрения последовательности событий в культурной стратиграфии раннего мезолита Верхневолжья принципиальным событием является обнаружение М.Г. Жилиным на Становом 4 в 1994 г. иеневского эпизода обитания на памятнике с несколькими бутовскими культурными слоями” (Лисицын, 2017. С. 84). Не поколебало его в этом даже собственное невольное признание, что так называемые “бутовские и иеневские материалы на Становом 4 не были зафиксированы в стратиграфической колонке одного раскопа” (Лисицын, 2017. С. 84). На самом деле опубликованная стратиграфия (Жилин, 1998; 2002; 2005; Аверин, Жилин, 2001) недостоверна, и никакой промежуточной позиции линзы с асимметричными изделиями между прослоями с симметричными изделиями в Становом 4 не было (Сорокин, 2008; 2016; Сорокин и др., 2009). Анализ показывает: асимметрия покоилась непосредственно над галечным дном и ничем не подстилалась, зато прослоем с симметрией она, несомненно, перекрывалась. В свою очередь, единственный **позднемезолитический**⁸ наконечник с вентральной ретушью, обнаруженный в другой части раскопа, тоже, по-видимому, над галечником, но вне “иеневской линзы”, мог “выпасть из контекста” — перекрывающего слоя 3 с так называемыми бутовскими находками — в результате педотурбации напластований. Оказаться снизу он мог и тогда, когда прослой, вскрытые в раскопе, были еще обожжены, ведь литологически все культуросодержащие горизонты (3, 3а и 4) Станового 4 интерпретированы на основе биоморфного анализа О.Н. Успенской как сапропель и органогенный ил (Зарецкая и др., 2002. С. 118). Мнение Жилина, принявшего их за торфа и суходольные напластования, ошибочно. Дело, однако, не в непродуманности его реконструкции (Жилин, 2002) и очевидном игнорировании геоморфологии, тафономии и естественнонаучных сведений (Сорокин, 2008; 2016), а в том, что “промежуточная” позиция линзы с асимметрией — это результат осознанного “улучшения качества источника”. Формальное гипсометрическое превышение асимметрии над симметрией объясняется весьма прозаически — по-

нижением по течению в протоках галечного дна. В результате предметы, залегающие ближе к истоку, неизбежно выше тех, которые дислоцируются с приустьевой стороны, но их высотное “превосходство” отнюдь не означает, что они моложе.

В связи со значимостью “открытия” Жилина к сказанному можно лишь добавить краткую выдержку из письма очевидца события археолога А.В. Уткина⁹: “Итак, Становое 4. В экспедиции бывал неоднократно, правда, только наездами. Был и тогда, когда обнаружили кремневый асимметрический наконечник стрелы, приняв его первоначально за сверло. Чуть позже его объявили иеневским и по нему выделили самостоятельный культурный слой 3а. Геологически планиграфия горизонта не фиксировалась. Не убедительна была и стратиграфия, прослеженная по стенке раскопа. Скорее она отражала общий (или частичный) переувлажнение культурного слоя 3. Собранные якобы в культурном горизонте 3а находки малочисленны и невыразительны, за исключением кремневого наконечника стрелы и трапеции. Как они оказались в свите отложений? Не совсем ясно”. Вряд ли эти слова Уткина нуждаются в комментарии.

Становое 4 в источниковедческом отношении интереса не представляет и не годится для решения проблем мезолитоведения. Следовательно, и эта попытка загнать финальный палеолит и мезолит Верхневолжского региона в прокрустово ложе “новой периодизации” явно несостоятельна.

Третья, эталонная для Лисицына, стоянка **Золоторучье 1**, где было встречено два финально-палеолитических слоя, раскапывалась Д.А. Крайновым в 1950–70-х годах, вскрыто 875 м² площади (Крайнов, 1959; 1964). К сожалению, раскопки по штыкам разной мощности не только не привели к реальной фиксации слоев, напротив, весь инвентарь из них оказался в итоге механически смешан. Этот результат был неосознанно подтвержден Жилиным (2007), который, несмотря на все усилия, так и не смог его разделить (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009), затруднился он и с культурной атрибуцией коллекции (Жилин, 2007. С. 41). Зато Лисицын, вновь проявивший оригинальность, заявил о ее бинарности, связав якобы пластинчатый “комплекс” с так называемой бутовской, а якобы отщеповой, — с иеневской “культурами” (Лисицын, 2017). Степень пластинчатости, как известно, — величина непостоянная, зависящая от множества факторов. Например, без учета микростратиграфии напластований и пространственного распределения находок невозможно судить — это реальные древние структуры или рядовое планиграфическое совпадение разных эпизодов обитания. Поэтому принятие Лисицыным за основу “скоплений”, выделенных по пластовым планам Жилиным (Лисицын, 2017. С. 78), неубедительно. Более того, такой

⁸ Выделено мной. — А.С.

⁹ Публикуется с его любезного согласия.

подход в современном мезолитоведении иначе как анахронизмом назвать нельзя.

Предположение, что “скопления” представляли собой мастерские по первичной обработке камня (Лисицын, 2017), возможно, но присутствие всего типологического спектра обрабатывающих орудий и специфического охотничьего вооружения противоречит этому. Совершенно очевидно, что перед нами следы базовых стоянок, приуроченных к местам сбора некачественного сырья, что и вызвало неизбежный перекос в сторону продуктов первичного производства. Мифические культурные различия к дифференциации “пятен” никакого отношения не имеют. Специфика огромной коллекции Золоторучья 1 (около 58 000 изделий) состоит в отсутствии черешковых наконечников стрел, трапещий и других микролитов. Вместо них использовались костяные и роговые наконечники, оснащенные косыми и скошенными остриями и вкладышами из микропластин без вторичной обработки, что исключает возможность объяснения этого малочисленностью выборки, сезонностью и даже функциональностью. Подобный набор в Волго-Окском бассейне присущ лишь култинской культуре (Сорокин, 2006; 2008; Сорокин и др., 2009), что и позволяет считать эту стоянку для нее наиболее ранней. Впрочем, и култинских материалов Лисицын не знает, что лишний раз подтверждает его некомпетентность в обсуждаемой проблематике. Поэтому и тут ему пришлось проявить изобретательность, для чего в целях соответствия надуманной периодизации он разделил коллекцию надвое, заявив: «На Золоторучье 1 представлены два разных культурных комплекса..., первый из которых... можно условно назвать... “отщеповым”, а другой “пластинчатым”. Как следует из выводов М.Г. Жилина, наибольшая “пластинчатость” была отмечена у 5-го скопления, а наибольшая “отщеповость” — у 3-го. Таким образом, каждое из этих скоплений является наиболее чистым¹⁰ в культурном отношении. ...В планиграфическом отношении скопление 5 было расположено дальше всего от обрыва террасы и выше остальных по склону от Волги. Скопление 3, напротив, занимало позицию ближе к краю террасы... логично полагать, что расположенное гипсометрически выше “пластинчатое” скопление 5 относится к более раннему этапу заселения мыса, а пониженное “отщеповое” скопление 3 — к более позднему¹¹...» (Лисицын, 2017. С. 78). «Подтверждением такой интерпретации служит — по Лисицыну — разная мощность углистых прослоек. Нижняя и более тонкая прослойка может ассоциироваться с “пластинчатым” комплексом, а наиболее

мощная верхняя — с количественно преобладающим “отщеповым” (Лисицын, 2017. С. 78). Подобное прозрение даже изобретателям “новой хронологии” академику А.Т. Фоменко и доценту Г.В. Носовскому (Носовский, Фоменко, 1997) не могло прийти в голову. Жаль только, что это “*now-how*” невозможно запатентовать, ведь расстояние до реки — признак, стандартно указывающий на сезон обитания, а отнюдь не на культурную принадлежность материалов» (Сидоров, 2009).

Время формирования морфоскульптур пойм основных рек Европейской России в свете современных данных относится к позднему плейстоцену (Еременко, Панин, 2001; Панин и др., 2005; 2011; Сидорчук и др., 2000). Приуроченность нижних культурных слоев Золоторучья 1 к аллювию первой террасы тем более исключает их принадлежность к голоцену. Следует напомнить, что как позднеплейстоценовые они и были определены крупнейшим отечественным палеогеографом А.А. Величко, осматривавшим памятник в ходе его раскопок (Жилин, 2007). В свете этого попытка Лисицына приписать им якобы на основе отсутствия костей карибу голоценовый возраст несостоятельна, она противоречит естественнонаучным и этнографическим данным (Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986).

Следовательно, коллекция Золоторучья 1, как и двух других “эталонных” памятников Лисицына — Вашаны и Станового 4, — в источниковедческом отношении безнадежна. Считать ее опорной — никаких оснований нет. Из сказанного логичны следующие выводы:

1. Изученность Вашаны минимальна, коллекция культурно безлика и непригодна для решения культурологических вопросов;
2. Вашана и Золоторучье 1 лишены стандартных наконечников стрел и геометрических микролитов, из-за чего оба памятника непригодны для решения вопроса соотношения “культур с черешковыми наконечниками” (по W. Taute, 1968);
3. Данные о соотношении глубин асимметричных и симметричных наконечников в Становом 4 сознательно искажены и не могут использоваться для разработки достоверной периодизации;
4. Первичные сведения по всем трем ГАО — Золоторучье 1, Становое 4, Вашана — сознательно “улучшены”. Их источниковедческая значимость нулевая, для объективного решения проблем мезолитоведения ни один из них непригоден.

Можно ли решать вопросы палеоэкологии на геоархеологических объектах? Разумеется — да, но исключительно при их источниковедческой добротности. Ни Вашана, ни Золоторучье 1, ни Становое 4 не отвечают этому критерию. “Новая периодизация” искусственная, она голословна и противоречит фактам. Налицо элементарное незнание Лисицыным ба-

¹⁰ “Пластинчатость” и “отщеповость” не могут определять “чистоту” материалов — это независимые друг от друга категории.

¹¹ Эти слова прямо противоречат тому, что говорил Лисицын применительно к культурной стратификации Станового 4.

зовых материалов анализируемых им “культур”, что делает бессмысленным вступать с ним в полемику.

Еще в 1987 г. Л. В. Кольцов с М. Г. Жилиным “улучшили качество” Бутово I. Как оказалось позднее (Сорокин, 2008), для доказательства единства материалов Бутовской дюны (Кольцов, Жилин, 1999) они “соединили” траншеей длиной 30 м раскопы 1 и 4, вскрытые Кольцовым еще в 1960-е годы и удаленные друг от друга на 70 м (Сорокин, 2008). Это, наряду с другими многочисленными случаями (Сорокин, 2001), стало причиной моего отказа от наименования “бутовская культура” (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Лисицын был хорошо осведомлен обо всех этих фактах как по нашей с ним переписке, так и из литературы (Сорокин, 2001; 2008), однако продолжает использовать те же методы работы, что не делает ему чести.

Любой исследователь может ошибиться и принять сапропель за торф или торф за растительный детрит, природный объект за искусственный и увидеть жилище, яму или кострище там, где их никогда не было. Речь об ином — сознательном искажении данных, придании им свойств и характеристик, которыми они не обладают, когда добытое становится жертвой “правильных” представлений. Просто диву даешься тому, как Лисицын может открыть палеолит в отходах с неолитической технологией, разглядеть черешковые наконечники, где их никогда не было, про отщеп с ретушью сказать, что “он — иеневский”, по единственному резцу определить — “это бутовская культура”, а по кальцинированной косточке заявить — “это лось” (Лисицын, 2017). Вот почему реанимацию Лисицыным несостоятельных идей Кольцова, а тем более его попытку поднять на щит методику “качественного улучшения источников” считаю недостойной.

Одна из несомненных бед этого исследователя состоит в том, что он несведущ в материалах, которыми пытается жонглировать. Его виртуально-литературных познаний явно недостаточно, чтобы профессионально разбираться в обсуждаемом предмете. Никогда не обучался он и экологии, что избавляет меня от необходимости анализа околэкологических сюжетов, которыми перенасыщена рецензируемая работа (Лисицын, 2017).

Не вызывает сомнения: для объективного решения вопроса периодизации археологических культур Центральной России первостепенное значение имеют полноценно изученные мультислойчатые ГАО, а не суррогаты, втиснутые в мертворожденные схемы (Сорокин, 2008; 2016; 2017; Сорокин и др., 2009). Критика источников, лежащих в основе “нового учения”, показывает, что перед нами типичный пример синдрома Фоменко-Носовского, представляющего реальную угрозу современной науке. Это обязывает повторить: “Явно наступающая девальвация понятия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред” (Беляев, 2011. С. 63). Противопоставить этому “...можно только одно — критику

источника. Профессиональную критику источника” (Формозов, 1977. С. 12).

Любой археолог испытывает искушение выдать результаты своего труда за открытие, способное, если не обессмертить, то сделать известным современникам его имя. Жизнь коротка, и пути реализации этой цели далеко не всегда, к глубокому сожалению, соответствуют нормам научной этики, морали и нравственности. Все тайное, однако, неизбежно становится явным. Если кого-то из молодых исследователей эта рецензия заставит задуматься, критически посмотреть на происходящее и прийти к прагматическим выводам, цель, которую преследовал автор, будет, без сомнения, достигнута.

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 16-06-00078 “Естественнонаучные методы исследования геоархеологических объектов Европейской России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В. А.* Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 123–126.
- Аверин В. А., Жилин М. Г.* Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 5. Нижний Новгород, 2001. С. 8–16.
- Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене / Ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2007. С. 134–148.
- Беляев Л. А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Ред. А. Е. Петров, В. А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 51–66.
- Еременко Е. А., Панин А. В.* Ложбинный мезорельеф Восточно-Европейской равнины. М.: МИРОС, 2010. 192 с.
- Жилин М. Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 25–31.
- Жилин М. Г.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 107–116.
- Жилин М. Г.* Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 21–36.
- Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: ИА РАН, 2007. 142 с.
- Зарецкая Н. Е., Успенская О. И., Жилин М. Г.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 117–122.
- Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР (Археология СССР) / Ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 68–84, 86, 247–259.

- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука, 1999. 157 с.
- Крайнов Д.А. Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 63–69.
- Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 3–19.
- Лисицын С.Н. Моделирование первичного заселения человеком бывших ледниковых областей на примере Северо-Запада // In situ: к 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 87–109.
- Лисицын С.Н. Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на Северо-Западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 56–66.
- Лисицын С.Н. Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья // Записки ИИМК РАН. 2011. Вып. 6. С. 104–118.
- Лисицын С.Н. Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 233–242.
- Лисицын С.Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник 3 / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 85–109.
- Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Stratum plus. 2017. Вып. 1. С. 59–110.
- Мезолит СССР (Археология СССР) / Ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 352 с.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997. 256 с.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Борисова О.К. Флювиальные процессы и речной сток на Русской равнине в конце поздневалдайской эпохи // Горизонты географии (к 100-летию К.К. Маркова) / Ред. Т.А. Янина. М.: Географ. фак. МГХ, 2005. С. 114–127.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Чернов А.В. Основные этапы формирования пойм равнинных рек Северной Евразии // Геоморфология. 2011. Вып. 3. С. 20–31.
- Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.
- Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Панин А.В. Поздневалдайские палеорусла рек Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. 2000. Вып. 6. С. 73–78.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 313 с.
- Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 48 с.
- Синицына Г.В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на Северо-Западе Русской равнины // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г.В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 152–181.
- Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И. Хронологические комплексы памятника Подол III // ТАС. 1996 / Ред. И.Н. Черных. Вып. 2. С. 133–140.
- Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ, 1997. С. 86–103.
- Сорокин А.Н. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры // РА. 2001. № 3. С. 154–162.
- Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К, 2008. 327 с.
- Сорокин А.Н. Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы // Феномен геологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: Матер. Всероссийской науч. конф., посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2012. Вып. 1. С. 205–218.
- Сорокин А.Н. Очерки источниковедения каменного века. М.: ИА РАН, 2016. 248 с.
- Сорокин А.Н. Шагара 4 как геологический источник. М.: ИА РАН, 2017. 216 с.
- Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусев А.В. На переломе эпох. М.: Гриф и К, 2009. 388 с.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. 1999. Вып. 103. С. 127–141.
- Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.
- Формозов А.А. Критика археологических источников // СА. 1977. № 1. С. 3–12.
- Galinski T. Tanowo. Obozowiska lowcow epoki paleolitu i mezolitu na Pomorzu. Warszawa: IAE PAN, 2015. 376 p.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1975. 504 p.
- Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe / Ed.F. Riede, M. Tallaavaara (BAR International Series 2599). Oxford, 2014. 212 p.
- Mesolithic on the Move. Papers presented at the Sixth International Symposium on Mesolithic in Europe, Stockholm 2000 / Ed.L. Larsson, H. Kindgren, D. Loeffler, A. Akerlund. Oxford: Oxbow books, 2003. 702 p.
- Mesolithic in Europe / Ed.G. Baily, P. Spikins. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 467 p.

Ostrauskas T. Kabeliu 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė // Lietuvos archeologija, 1999. 16. 31–66.

Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993 / Ed. S.K. Kozłowski, J. Gurba, L. Zaliznyan. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 1999. 364 p.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln: Graz, 1968. 512 p.

Институт археологии РАН,
Москва

А. Н. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ / Отв. ред. Е. П. Михайлов, Н. С. Березина. Т. 1–3. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 2013–2015. ISBN 978-5-7670-2295-3

К многотомной серии “Археологическая карта России”, которую издает с 1991 г. Институт археологии РАН, добавилось еще одно издание, посвященное археологии отдельных российских регионов. Это трехтомник “Археологическая карта Чувашской Республики” (далее АКЧР). Он представляет собой первое в этой республике научно-справочное издание энциклопедического характера и содержит наиболее полную на сегодняшний день информацию о памятниках археологии Чувашской Республики.

Авторы-составители АКЧР (в порядке их представления на титульном листе) Е. П. Михайлов, Н. С. Березина, А. Ю. Березин, С. В. Кузьминых, Н. С. Мясников, В. Ф. Каховский, Б. В. Каховский сумели собрать и обобщить огромную информацию о значительном археологическом наследии республики. Материал для этого издания собирался более 30 лет Е. П. Михайловым и В. Ф. Каховским.

Первый том открывается предисловием, в котором охарактеризована структура издания, описаны основные принципы и подходы к описанию памятников археологии. Авторы справедливо отмечают, что “только комплексное изучение, перекрестная проверка возникающих в ходе исследования показаний разных источников дают возможность составить полную научную археологическую карту” (АКЧР. Т. 1. С. 3).

Здесь же в предисловии описаны этапы многолетнего и многотрудного процесса накопления данных о памятниках археологии Чувашии со второй половины XIX в. вплоть до наших дней.

Путь к нынешнему трехтомному изданию был труден и долог. Первая “Археологическая карта Чувашской АССР” была составлена К. В. Элле в 1947–1948 гг. на основании всех предыдущих работ как до революционного времени, так и работ 1920-х годов. К сожалению, книга так и не была опубликована. Рукописи археологических карт Чувашии были так-

же подготовлены П. Г. Григорьевым и Н. Р. Романовым в 1940–1950-х годах. Эти рукописные материалы были, наконец, опубликованы как приложение к книге В. Ф. Каховского “Памятники материальной культуры Чувашской АССР” (1957). Но это была сравнительно незначительная часть всех накопленных материалов. Работа над полным собранием археологических памятников региона продолжалась, но была прервана в связи с кончиной В. Ф. Каховского. После значительного перерыва работа над АКЧР была продолжена, успешно завершена и посвящена светлой памяти этого исследователя.

Введение открывается обширным географическим обзором территории Чувашской Республики. Здесь приведены сведения о ландшафте, водном бассейне, климате, геологической структуре, почвенном покрове, растительности, физико-географическом районировании региона (Заволжье, Приволжье, Центр, Присурье, Юго-Восток, Засурье).

Далее следует достаточно информативный историко-географический очерк об археологических исследованиях в Чувашии. Отдавая должное дореволюционным исследованиям энтузиастов-одиночек (С. Е. Мельников, С. М. Михайлов, В. К. Магницкий), авторы тем не менее отмечают определенную разрозненность и бессистемность этих изысканий. Этот период развития археологии в Чувашии связан с губернскими городами Казанью и Симбирском. Отдельные сведения о памятниках археологии Чувашии публиковались именно там, некоторые находки передавались в музеи Казани и других городов России. К открытию 4-го Всероссийского археологического съезда в Казани в 1877 г. вышел первый сводный труд по археологии Среднего Поволжья (Шпилевский, 1877). Ряд статей по археологии Чувашии выходит в Известиях ОАИЭ при Казанском университете. Симбирская ГУАК под председательством В. Н. Поливанова составила “Археологическую карту Симбирской губернии”, куда вошли некоторые и чувашские территории.